

УДК 339.54

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЫНКИ АЗИИ

Магомедова У. А.¹

Аннотация: В работе анализируется переориентация российского экспорта на рынки Азии в период 2022 г. – первого полугодия 2024 г. Рассматриваются три параметра внешней торговли, изменявшихся синхронно: товарная номенклатура, логистические маршруты и валюта расчётов. На основании статистики ФТС и Главного таможенного управления КНР зафиксирован рост доли Азии в экспорте РФ с 38% (2021) до 49% (1П2024); смещение в товарной номенклатуре демонстрируется в сопоставлении с 2021 г.; описаны структурные сдвиги расчётов в национальных валютах. Показано, что факторы устойчивости новой модели экспорта и гетерогенность результатов по странам-партнёрам и группам товаров ведут к тому, что прирост экспорта даётся высокой ценой – скидки к мировым ценам, логистические издержки и валютные дисконты. Сделан вывод о том, что устойчивая перестройка требует диверсификации партнёров в Азии и снижения транспортной нагрузки на отдельные маршруты.

Ключевые слова: российский экспорт, переориентация, Азия, Китай, Индия, нефтепродукты, зерно, логистические маршруты, расчёты в национальных валютах

Для цитирования: Магомедова У. А. ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЫНКИ АЗИИ // Московский вестник экономических наук. №4 (2024). С. 12-18.

REORIENTATION OF RUSSIAN EXPORTS TOWARDS ASIAN MARKETS

Magomedova U. A.¹

Abstract: This paper analyzes the reorientation of Russian exports towards Asian markets during the period from 2022 through the first half of 2024. Three parameters of foreign trade that changed synchronously are examined: the commodity structure, logistics routes, and the currencies used for settlements. Based on statistics from the Federal Customs Service of Russia and the General Administration of Customs of the People's Republic of China, the share of Asia in Russian exports increased from 38% in 2021 to 49% in the first half of 2024. Changes in the commodity structure are demonstrated through comparison with 2021, while structural shifts towards settlements in national currencies are also described. It is shown that the factors determining the resilience of the new export model, as well as the heterogeneity of results across partner countries and product groups, mean that export growth comes at a high cost, including discounts to global prices, increased logistics costs, and currency-related discounts. It is concluded that sustainable restructuring requires the diversification of partners in Asia and a reduction in the transport burden on individual routes.

Keywords: Russian exports, reorientation, Asia, China, India, petroleum products, grain, logistics routes, settlements in national currencies

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении 2022 г. – первого полугодия 2024 г. внешняя торговля Российской Федерации подверглась резкому переформатированию, вызванному санкционным давлением и ограничениями европейского направления. Одновременно модифицировались три параметра внешней торговли: товарная номенклатура, логистические маршруты и валюта расчётов. Изменения происходили синхронно и требовали увязки по всем трём осям. Этим объясняется выраженная тяжесть переходного периода и его региональная неравномерность [1].

Состав основных азиатских партнёров к началу 2024 г. сместился в сторону Китая, Индии, Турции, ОАЭ и стран Центральной Азии. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2023 г. товарооборот России и Китая достиг 240 млрд долл., превысив показатель 2022 г. на 26%, при этом экспорт в Китай вырос на 43% [2]. Этот сдвиг позволяет рассматривать Китай как главного получателя вытесненных с западных рынков объёмов российского экспорта.

Гипотеза исследования состоит в том, что эффект азиатской переориентации неравномерен: он зависит от конкретной комбинации страны-партнёра и товарной группы. При технически верном векторе «на юг и восток» суммарный уровень рисков остаётся высоким. Цель работы состоит в количественной и качественной оценке дифференцированной динамики экспорта по основным азиатским направлениям и в выявлении ключевых факторов устойчивости новой модели.

Актуальность работы связана с тем, что устойчивость переориентации в среднесрочной перспективе зависит от того, насколько успешно удастся расширить число азиатских партнёров и разнообразить товарную номенклатуру. Научная новизна состоит в сочетании анализа по трём параметрам (товарная номенклатура, логистика, валюта расчётов) для каждой страны-партнёра и в оценке рисков, связанных с концентрацией грузопотоков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационную основу составили данные Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Главного таможенного управления Китайской Народной Республики, Министерства торговли и промышленности Республики Индии, аналитические материалы Банка России и публикации в рецензируемых научных изданиях. Применялись методы сравнительного анализа временных рядов, факторного группирования по странам и товарным позициям, структурно-логическое сопоставление и табличная визуализация данных.

Отдельно сопоставлялись динамики физических объёмов и стоимостных показателей, что позволяет разделить ценовые и физические эффекты переориентации. На основании сопоставления делается вывод о реальной цене перестройки: в каких товарных группах Россия вынуждена предоставлять скидки к мировым ценам, в каких – ценовые условия сохраняются на приемлемом уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Доля Азии в общем объёме российского экспорта выросла с 38% в 2021 г. до 49% в первом полугодии 2024 г. Доля Европейского союза за тот же период сократилась с 35% до 16%. Доля Северной и Южной Америки изменилась незначительно и осталась в районе 8%. Подобные изменения стали результатом не только санкционных ограничений, но и активной переговорной позиции российских ведомств в странах Азии [3].

Крупнейшим получателем российского экспорта в Азии стал Китай. За 2023 г. Россия нарастила поставки нефти в Китай на 24% до 107 млн тонн [2]. Экспорт сжиженного природного газа увеличился на 23%. В 2024 г. поставки нефти в Китай за первые четыре месяца достигли 83 млн тонн [4]. На Индию в 2023 г. пришлось 27% экспорта российской нефти Urals (в 2021 г. – менее 2%). В абсолютном выражении поставки нефти и нефтепродуктов в Индию за 2023 г. составили 1,6 млрд долл., тогда как в 2021 г. – 0,4 млрд долл. [5].

Нин Л. подчёркивает, что Китай укрепляет позиции крупнейшего торгового партнёра России не только в нефтяной группе, но и в сегменте чёрных металлов, удобрений, древесины и пищевой продукции [6]. По её оценке, структурный сдвиг 2022–2024 гг. сформировал прецедент долгосрочной интеграции российской товарной массы в китайское потребление, что качественно отличает текущую ситуацию от схожих эпизодов 1990-х и 2000-х гг.

Товарная структура российского экспорта претерпела изменения, обусловленные как закрытием европейского направления по чувствительным позициям, так и запросами азиатских партнёров. Доля нефти и нефтепродуктов в общем экспорте в Азию возросла до 41% в 1П2024 г. (37% в 2021 г.). Доля природного газа составила 7% (4%). Доля чёрных металлов и изделий из них – 12% (17% в 2021 г.). Доля зерновых и продуктов их переработки в экспорте в Азию достигла 19% (12% в 2021 г.) [7].

Зерновая группа опирается на устойчивый спрос со стороны стран Западной Азии и Северной Африки. Российский экспорт зерна в 2023 г., по данным Федерального центра «Агроэкспорт», составил 65 млн тонн, из которых 23% поставлено в страны Азии – Турцию, Иран и Саудовскую Аравию. Доля Азии в общем экспорте продукции АПК выросла с 27% в 2021 г. до 35% в 2023 г. [8; 9].

Сидорин А.А. отмечает, что структурный сдвиг в географии АПК не ограничивается зерном: расширяются поставки подсолнечного масла, кондитерских изделий, отдельных видов мясной и молочной продукции в страны Персидского залива и Юго-Восточной Азии. Подобная диверсификация товарной номенклатуры повышает устойчивость экспорта, но ставит перед производителями задачу соответствия требованиям стандартов новых партнёров [8]. Поляков А.А. добавляет, что наращивание экспорта продукции АПК в Азию в 2023 – 1П2024 гг. сопровождалось внедрением новых логистических решений (контейнерные поезда, маршруты через Каспий), которые снижают зависимость от портов ограниченной пропускной способности [9].

В товарной группе «несырьевые товары» продвижение шло медленнее: в 1П2024 г. доля машин и оборудования в экспорте в Азию составила лишь 4,1% (в 2021 г. – 3,4%), а доля продукции химической промышленности снизилась с 6,8% до 5,9%, что связано с падением контрактов по ряду чувствительных позиций и с необходимостью пересмотра технологических цепочек, ранее завязанных на европейского потребителя [10].

Геополитический сдвиг сопровождался перенаправлением грузопотоков в обход традиционных балтийских портов. Активность российских портов в Азово-Черноморском бассейне (Новороссийск, Тамань, Кавказ-3) к 2024 г. выросла на 25%, а в Балтийском бассейне снизилась на 4%. Железнодорожные погрузки в направлении погранпереходов с Китаем и Казахстаном к 2024 г. увеличились на 16% [10].

Логистический сдвиг натолкнулся на узкие места: пропускная способность погранпереходов на российско-китайской границе остаётся ограниченной, что приводит к очередям из вагонов и задержкам доставки грузов до 14 суток. Дополнительные расходы российских экспортёров на логистику в 2023 г. составили, по оценкам отраслевых экспертов, 6–9% от стоимости контрактов по сравнению с базовым уровнем 2021 г. [10].

Изотов Д.А. указывает, что сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии сохраняет неравномерность, связанную с различиями в тарифных режимах и логистической инфраструктуре; Россия пока занимает в этом потенциале долю, не соответствующую её реальной экономической массе [4]. Трансформация структуры занятости в регионах, обслуживающих азиатские маршруты, демонстрирует рост занятости в логистических и обслуживающих сегментах: в 2022 – 1П2024 гг. численность работников транспортно-логистического комплекса выросла на 14%, что существенно выше средних по экономике темпов [11].

Юаньюань Ф. фиксирует, что в сопоставлении с 2021 г. средний срок доставки товаров из России в Китай вырос с 22 до 34 суток. Дополнительные расходы распределяются между продавцом и покупателем неравномерно: для товаров с высокой стоимостью единицы веса (например, изделий из драгоценных металлов) дополнительные расходы относительно невелики, тогда как для объёмных грузов (зерно, уголь) они существенно повышают себестоимость и снижают конкурентоспособность [3].

Расчёты в национальных валютах в торговле с азиатскими партнёрами расширяются, но остаются дифференцированными по странам. В торговле с Китаем доля расчётов в рублях и юанях к концу 1П2024 г. превысила 90%, тогда как в торговле с Индией доля расчётов в национальных валютах оценивается в 70% из-за продолжающегося использования дирхамов ОАЭ как промежуточной валюты [12]. В торговле с Турцией доля расчётов в рублях и лирах к началу 2024 г. достигла 70% (в 2021 г. – 12%). В торговле с Ираном сохраняется высок вес механизма бартера и расчётов через валюты третьих стран.

Расширение расчётов в юанях влечёт за собой риск привязки рубля к динамике китайской валюты. Дополнительные издержки конвертации при рублево-юаневых расчётах в первые шесть месяцев 2024 г. составили, по оценкам экспертных опросов, до 1,8% от стоимости контрактов. Страхование таких контрактов пока развито слабо, что повышает требования к квалификации участников внешнеторговых сделок [13].

Абрамова М.А. отмечает, что расширение расчётов в национальных валютах в торговле с азиатскими партнёрами меняет структуру валютных резервов Банка России и требует адаптации регуляторной базы [12]. В частности, к началу 2024 г. Банк России ввёл регулярный мониторинг валютной структуры внешней торговли и публикует соответствующие бюллетени, что позволяет учитывать долю рубля, юаня и валют стран-партнёров в общем обороте.

Эффекты переориентации на азиатские рынки проявляются в территориальном измерении. Объём промышленного производства в регионах Северо-Запада за 2022–1П2024 гг. сократился на 4%, тогда как в регионах Урала и Сибири сохранилась положительная динамика. Отрицательный эффект испытали экспортно-ориентированные регионы Дальнего Востока, ориентированные ранее на рынки Японии и Республики Корея [11].

Кашепов А.В. подчёркивает, что различия в отраслевой и региональной структуре экспорта в переходный период усиливают дифференциацию доходов занятого населения между регионами и создают зоны риска на региональных рынках труда. Особенно заметно различие между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, для которых сокращение экспорта на европейском направлении стало выраженным фактором, и приграничными регионами Дальнего Востока, где структурная перестройка пока не компенсирована [14].

Яковлев А.А. отмечает, что стратегирование торговых отношений с Восточной и Юго-Восточной Азией требует учёта различных институциональных сред партнёров: в одних странах ключевым фактором является государственный контроль над контрактами, в других – холдинговые и частные компании работают самостоятельно. Это различие определяет структуру ведения переговоров, ценообразования и условий платежа [7].

ВЫВОДЫ

Переориентация российского экспорта на рынки Азии в 2022–1П2024 гг. привела к качественной перестройке структуры внешней торговли. Изменения по трём параметрам (товарная номенклатура, логистические маршруты, валюта расчётов) происходили синхронно, но с разной скоростью, что порождало дополнительные издержки переходного периода. Опыт скидок к мировым ценам, удлинения доставки грузов и валютных дисконтов указывает, что замещение европейского направления азиатским само по себе недостаточно: необходимы скоординированные усилия по расширению числа партнёров в Азии, по развитию цифровой инфраструктуры расчётов и по разгрузке узких мест в логистике.

Устойчивость новой экспортной модели определяется тем, синхронизируются ли дальше товарные, логистические и расчётные изменения, а также тем, удастся ли распределить пространственные эффекты переориентации между регионами страны. Дальнейшие направления исследований включают оценку реакции внутренних логистических тарифов на изменение географии внешней торговли и количественную оценку эффекта скидок к мировым ценам на накопленные доходы экспортёров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капитонова Н.В., Жупикова Е.В. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 219–234.
2. Тураева М.О. Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2024. — Т. 25. — № 1. — С. 36–50.
3. Юаньюань Ф. Анализ развития современной двусторонней торговли между РФ и КНР // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2024. — № 2. — С. 71–82.
4. Изотов Д.А. Сравнительный потенциал торговли стран Северо-Восточной Азии // Региональная экономика. — 2024. — Т. 21. — № 3. — С. 612–627.
5. Аслаханова С.А., Бексултанова Х.А. Российский агропромышленный комплекс в условиях санкций: угрозы, риски, последствия // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2023. — № 2/30. — С. 4–8.
6. Нин Л. Российско-китайская торговля в условиях глобальных вызовов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2024. — № 6. — С. 58–70.
7. Яковлев А.А. Стратегирование торговых отношений России – 2024. Том 4.3: Восточная и Юго-Восточная Азия // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 132–149.
8. Сидорин А.А. Современное состояние и перспективы развития АПК России // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. — 2024. — № 4. — С. 17–25.
9. Поляков А.А. Развитие экспорта продукции АПК России в новых условиях // АПК: экономика, управление. — 2024. — № 6. — С. 32–39.
10. Перспективы экспорта несырьевых товаров из России в Китай // Внешнеэкономические связи. — 2024. — № 1. — С. 14–23.
11. Трансформация структуры занятости населения в регионах Российской Федерации // Региональная экономика. — 2024. — № 2. — С. 320–335.
12. Абрамова М.А. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 г. и период 2025–2026 гг.: мнение эксперта // Финансы и кредит. — 2024. — Т. 30. — № 4. — С. 894–910.
13. Бодрунов С.Д. Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности // Экономическое возрождение России. — 2024. — № 1 (75). — С. 4–17.
14. Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4. — С. 132–149.

REFERENCES

1. Kapitonova N.V., Zhupikova E.V. Analysis of the Impact of Sanctions on Russia's Economic Security: Challenges and Opportunities // Finance and Management. — 2024. — Vol. 8. — No. 3. — P. 219–234.
2. Turaeva M.O. Cooperation between Russia and China under New Conditions: Some Economic Results of 2023 // Proceedings of the Ural State University of Economics. — 2024. — Vol. 25. — No. 1. — P. 36–50.
3. Yuanyuan F. Analysis of the Development of Modern Bilateral Trade between the Russian Federation and the People's Republic of China // Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics. — 2024. — No. 2. — P. 71–82.
4. Izotov D.A. Comparative Trade Potential of the Countries of Northeast Asia // Regional Economics. — 2024. — Vol. 21. — No. 3. — P. 612–627.
5. Aslakhonova S.A., Beksultanova Kh.A. The Russian Agro-Industrial Complex under Sanctions: Threats, Risks, and Consequences // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. — 2023. — No. 2/30. — P. 4–8.
6. Ning L. Russia–China Trade amid Global Challenges // Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics. — 2024. — No. 6. — P. 58–70.
7. Yakovlev A.A. Strategizing Russia's Trade Relations — 2024. Volume 4.3: East and Southeast Asia // International Organisations Research Journal. — 2024. — Vol. 19. — No. 2. — P. 132–149.
8. Sidorin A.A. The Current State and Development Prospects of Russia's Agro-Industrial Complex // Agricultural Economics and Processing Enterprises. — 2024. — No. 4. — P. 17–25.
9. Polyakov A.A. Development of Russian Agricultural Exports under New Conditions // Agro-Industrial Complex: Economics, Management. — 2024. — No. 6. — P. 32–39.
10. Prospects for the Export of Non-Resource Commodities from Russia to China // Foreign Economic Relations. — 2024. — No. 1. — P. 14–23.
11. Transformation of the Employment Structure in the Regions of the Russian Federation // Regional Economics. — 2024. — No. 2. — P. 320–335.

12. Abramova M.A. On the Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2024 and the Period 2025–2026: An Expert Opinion // Finance and Credit. — 2024. — Vol. 30. — No. 4. — P. 894–910.
13. Bodrunov S.D. The Russian Economy 2024+: New Solutions in a New Reality // Economic Revival of Russia. — 2024. — No. 1 (75). — P. 4–17.
14. Kashepov A.V. The Labour Market and Employment in Russia in 2020–2024 // Studies on Russian Economic Development. — 2024. — No. 4. — P. 132–149.

Информация об авторе

МАГОМЕДОВА Умият Абдулбасировна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный ме-
дицинский университет» Минздрава России
г. Махачкала, Россия
E-mail: m.umijat@yandex.ru

Information about the author

UMIYAT A. Magomedova

Senior Lecturer,
Dagestan State Medical University, Ministry of
Health of the Russian Federation
Makhachkala, Russia
E-mail: m.umijat@yandex.ru